

Памяти Александра Филипповича Самойлова.

Акад. И. П. Павлов.

Я впервые в жизни встретился с Александром Филипповичем в Институте Экспериментальной Медицины, когда он, кончивши курс медицинского факультета в Юрьеве, явился в мою лабораторию с желанием практиковаться в физиологии. Скоро оценив его работу, я пригласил его быть помощником за небольшое вознаграждение, которое лаборатория могла ему доставить. Я помню, мне понравились спокойствие, обдуманность и точность в его работе. Это была пора в моей лаборатории, когда мой интерес был прикован к физиологии пищеварения и в ходу было постоянное оперирование животных с целью получения разных фистул, на которых следили за работой разных пищеварительных желез и из которых получали разные соки для их исследования. Александр Филиппович оставил следы своей изобретательности на некоторых деталях операций. Им же тогда был основательно исследован метод Метта для определения белковых ферментов. Я очень рассчитывал долго пользоваться сотрудничеством Александра Филипповича, но он скоро, к моему большому сожалению, перебрался в Москву в лабораторию Ивана Михайловича Сеченова на место ассистента. Я хорошо не помню, был ли у нас разговор и какой о мотивах его перехода, но думаю, что главной причиной этого был склад его головы. Каждый из нас идет на то, что отвечает этому складу. А складу соответствуют разные области науки или разные методы одной и той же науки. Я был и остаюсь чистым физиологом, т. е. исследователем, изучающим функции отдельных органов, условия деятельности этих органов и синтезирование работы отдельных органов в общую механизацию того или другого отдела организма или целого организма,—и мало интересуюсь последними, глубокими основаниями функционирования органа, его ткани, для чего уже требуется преимущественно химический или физический анализ. Отсюда деление физиологов на чистых физиологов, физиологических химиков и физиологических физиков. У меня преобладали в известные периоды, или даже временами исключительно применялись вивисекции и физиолого-хирургические операции, а Иван Михайлович Сеченов работал почти всегда только с химическими методами и физическими инструментами. Александра Филипповича, очевидно, влекло к инструментальной, физической физиологии. И действительно, впоследствии, достигши профессорства, Александр Филиппович сосредоточил главнейшую свою работу в электро-физиологии и сделал в этом отделе очень многое. Физический, точный характер его мышления ярко отразился во всех его работах. Для меня, как надо думать и для всякого, было особенно приятно читать его работы. В каждой из них отчетливо, выпукло формулировалась задача исследования, измышлялся в высшей степени подходящий прием для решения задачи и естественно

всегда получался чрезвычайно определенный результат. Таких решений пришлось на его долю не мало. Имелось полное основание ждать того же и для многих других важных вопросов физиологии.

А тут смерть! Я был поражен известием о его смерти. Не было еще года, как мы с ним путешествовали в Америку на Международный Физиологический Конгресс. Шесть дней на океанском пароходе мы провели в постоянных беседах, конечно, всего больше о том, что было главной страстью наших с ним жизней. Уходили и в мечты о будущей работе. Казалось, для него она могла быть еще очень длинной, так выматривал он молодым и сильным. Но судьба решила иначе.

Тяжелая потеря русской физиологии!

In memoriam A. Samojloff.

von C. J. Rothberger (Wien).

Die Einladung der Redaktion, einen Beitrag zur Gedächtnisnummer für Samojloff zu geben, bestätigt leider die mir auf Umwegen zugekommene Nachricht von seinem Tode, der mich mit aufrichtigem Schmerz erfüllt. Es ist nicht meines Amtes, die wissenschaftliche Bedeutung des Toten zu würdigen; sicher gehört er zu den Klassikern der Physiologie. Die Schönheit seiner Arbeiten, die Klarheit und Sorgfalt seiner Darstellung; die Schönheit seiner graphischen Aufnahmen und die vornehme Art seiner Kritik erschienen mir von jeher als anzustrebendes Ziel. Aus seinen Arbeiten leuchtet uns die reine Freude am wissenschaftlichen Arbeiten entgegen und man gewinnt die Überzeugung, dass es ihm immer um die Sache, nie um den Effekt zu tun war.

Als ich im Jahre 1909 mit dem Saitengalvanometer zu arbeiten anfang, schrieb ich mehrmals an Samojloff um Rat. Persönlich lernte ich ihn im folgenden Jahre kennen, als er den Physiologenkongress in Wien besuchte. Er äusserte den Wunsch, mich bei der Arbeit zu sehen und kam mit Max Cremer zu einem Versuch, den ich ad hoc mit Winterberg ausführte. Natürlich waren wir in nicht geringer Aufregung und allerlei Ungemach lauerte auf uns. Zwar ging die Operation gut vonstatten und trug mir die aner kennenden Worte Samojloff's ein: «Ich sehe, Sie sind ein grosser Vivisektor»; aber als ich das Tier mit dem Galvanometer verbunden hatte, wollte sich die Saite nicht rühren. Alles Suchen nach dem Fehler war vergebens, immer grösser wurden bei mir Unruhe und Zorn, dass dies gerade jetzt passiren müsse und als gar ein grosses Flaschenelement vom Tisch gestossen wurde und die frische Säure sich über Samojloff's schöne Hose ergoss, erreichte meine Verzweiflung den Höhepunkt. Er aber nahm dies Missgeschick mit Humor auf und meinte, es gehe jedem so; man müsse jahrelang Übung haben, um die Methode zu beherrschen. Kaum waren Samojloff und Cremer fort, als ich den tückischen Kontakt gefunden hatte.

Von nun an blieb ich mit Samojloff immer in Verbindung und wir tauschten unsere Separatabdrücke aus. Schon im Jahre 1912 erhielt ich aber eines Tages eine Sendung mit dem Postvermerk zurück, dass Adressat gestorben sei. Ich war darüber ganz bestürzt, denn ich hatte